

Мы, дети галактики

Типы модальной личности в эпоху глобализации (эффект международной географической мобильности)

© Толстокорова А. В.

© Tolstokorova A.

**Мы, дети галактики. Типы модальной личности в эпоху глобализации
(эффект международной географической мобильности)**

**We, children of galaxy. Model personalities patterns in the era of globalization
(the effect of international geographic mobility)**

Аннотация. Статья посвящена выявлению и анализу новых типов модальной личности, порождаемых процессом глобализации и международной географической мобильности. На основе анализа вторичных теоретических источников выявлены типы модальной личности эпохи глобализации: «человек глобальный» — «Homo globalis», «человек дигитальный (цифровой)» — «Homo digitalis», «человек потребляющий» — «Homo consúmens» и «человек мобильный» — «Homo mobilis». Последний, в свою очередь, представлен такими разновидностями, как глобальный бедняк, глобальные старики, глобальная женщина и глобальная мать, глобальный ребенок.

Annotation. The article is aimed at the analysis of model personalities patterns generated by globalization and international geographic mobility. Drawing on the analysis of secondary theoretical sources, the paper sets out the following model personalities patterns of the globalization era: «Homo globalis», «Homo digitalis», «Homo consúmens» and «Homo mobilis». The latter may be specified by the following subtypes: global poor, global senior, global woman and global mother, global child, etc.

Ключевые слова. Homo globalis, Homo digitalis, Homo consúmens, Homo mobilis, глобальный бедняк, глобальные старики, глобальная женщина, глобальная мать, глобальный ребенок.

Key words. Homo globalis, Homo digitalis, Homo consúmens, Homo mobilis, global poor, global senior, global woman and global mother, global child.

Глобализация зиждется на «трех китах»: торговле товарами, потоках капиталов и мобильности людей. Хотя мобильность считается «супер китом» глобализации [1], по мнению Михаила Делягина, тот самоочевидный факт, что в новом информационном, постиндустриальном мире важнейшие ресурсы общественного развития перестают быть привязанными к определенной территории и становятся мобильными, остается недостаточно осмысленным современными исследователями [2]. Это свидетельствует об актуальности исследования вопросов мобильности в современных условиях.

Признавая справедливость данного утверждения, все же следует признать, что зарубежная социальная наука уже отреагировала на повышение географической мобильности в мире, предложив новую парадигма-

тическую перспективу исследований, во многом определившую палитру социальных наук последнего десятилетия. Ею стала «парадигма мобильности», или «мобильностный поворот», в социальных науках [3, 4]. Основные положения этого нового междисциплинарного проекта были сформулированы британским социологом Джоном Урри в его книге, содержащей «манифест социологии мобильности» [5]. В качестве объекта анализа в нем признаются движущиеся люди, объекты, образы, информация и их побочные продукты, а также взаимозависимость между социальными последствиями их передвижения. Провозгласив мобильность «новым основанием социального порядка», этот программный документ произвел эффект «прорвавшейся плотины» [6] в академической среде. Сегодня исследования мобильности обрели четкие контуры и имеют статус самостоятельного направления науки с собственным дискурсом и идеологией, этикой, политикой и методологией [7–10, 1, 11]. Поэтому *актуальной* становится проблема применения достижений этого нового направления исследований на постсоветском пространстве, где оно еще не получило распространения [12].

Следует иметь в виду, что глобализационный процесс оказывает радикальное влияние на социальное устройство человечества, бросая вызов любым видам границ — как объективных (национальных, межгосударственных, институциональных), так и субъективных (на уровне семейных, межпоколенческих и межличностных отношений, гендерных, культурных, религиозных и этнических идентичностей отдельной личности). Проницаемость границ повышает возможности использования человечеством свободы передвижения и в то же время подрывает социальные позиции национальных государств, превращая их подданных в «глобальных граждан мира». Как отмечает немецкий теоретик глобализации Ульрих Бек, по мере того, как национальные государства уходят в прошлое, на фоне возрастания коммуникационной мобильности, движения капитала, рисков, товаров и услуг даже немобильная часть местного населения «интернационализируется» в своем искусственном внутреннем пространстве [13]. Оптимисты считают, что особенностью «глобальных граждан мира» является способность к «само-трансценденции», которую Абрахам Маслоу определял как наличие объединяющего сознания и восприятие мира в его целостности и в глобальном масштабе, с точки зрения других людей и через призму возможности воздействия на весь мир [14]. Этому способствуют массовая международная миграция и современные достижения в информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ), предопределяющие новые способы самоидентификации и новое мировоззрение [15]. Реалисты — такие, как Карло Стренджер, — определяют «глобального гражданина мира» как «человека глобального» («Homo globalis») [16], считая его основной особенностью интимную связь с глобальной информационной сетью. Этот тип личности является продуктом культуры, нацеленной на достижения, отсутствие которых негативно влияет на статус человека в обществе и генерирует в нем ощущение малозначимости. По Стренджеру, человек этого типа страдает комплексом неполноценности и не имеет четкого мировоззрения. Опираясь на положения экзистенциальной психоло-

гии, он доказывает, что для «Homo globalis» проблемой является поддержание высокой самооценки, так как в обществе высоких технологий все достижения личности сравниваются с идеалом, создаваемым средствами массовой информации.

Таким образом, глобализация создает условия для формирования новых «обобщенных индивидов», воплощающих главные черты эпохи «текущей современности» [17]. В отличие от «культурно-исторических типов» Н. Я. Данилевского [18], они присущи не одному народу или совокупности близких по духу и языку народов, а глобальной цивилизации в целом, поскольку она представляет собой мир без естественных границ и очевидных мест проживания [19], в котором социальная судьба «граждан мира» уже не является жестко привязанной к конкретному государству, а социальный выбор становится глобальным по своему характеру.

Обобщенные характеристики этих «граждан мира» как типичных представителей эпохи глобализации являются *объектом* данного исследования, использующего в качестве *аналитического инструмента* для их изучения концепт «модальная личность» [20], под которой понимается психологический архетип эпохи, совокупность исторических типажей — «героев своего времени». *Целью* работы является выявление и анализ этих новых типов модальной личности, порождаемых международной миграцией и географической мобильностью как производными глобализации. В частности, они рассматриваются в контексте выделенных нами ранее социогуманитарных подвидов глобализации, в основе которых лежит процесс географической мобильности населения: феминизация международной миграции; глобализация заботы и ухода; глобализация наемного домашнего труда; глобализация и транснационализация материнства; глобализация личной жизни, любви и интимности; глобализация желаний; глобализация детства и глобализация риска [21]. Помимо них будут рассматриваться обобщенные характеристики мобильных индивидов, порожденных процессами «глобализации старости» и «глобализации бедности» [22, 23].

Категоризация «Homo globalis»

Глобальный мультилокальный мир предоставляет более широкие и более комплексные условия для конструирования, осмысления и воспроизводства социальных идентичностей [24. Р. 578], которые становятся все более транснациональными и мультиэтничными, пластичными и множественными, ставя под сомнение значение национальных и расовых категорий [25]. Анализ вторичных теоретических источников показал, что обобщенные социальные идентичности «Homo globalis» представлены целой галереей образов, в частности такими типами модальной личности, как «человек цифровой» («Homo digitalis»), «человек потребляющий» («Homo consumens») и «человек мобильный» («Homo mobilis») [27, 28, 29]. Последний, в свою очередь, представлен такими подвидами, как глобальный бедняк, глобальные старики, глобальный ребенок, глобальная женщина и глобальная мать.

«Homo mobilis» — «дитя глобальной миграции»

Процесс международной мобильности населения стал одним из главных детерминантов политической, экономической и социокультурной динамики современной глобальной цивилизации, породив новый тип модальной личности «Homo mobilis» — «городского кочевника» и «дитя глобальной миграции» [29]. Влияние интенсивной географической мобильности на человека весьма неоднозначно. С одной стороны, свобода передвижения на большие расстояния предоставляет уникальные возможности для профессиональной и личностной реализации, знакомства с новыми культурами и стилями жизни. С другой стороны, общепризнано, что повышенная географическая мобильность подрывает устойчивость семейной жизни. Так, результаты проекта Евросоюза, изучавшего влияние возрастающей трудовой мобильности на семейную жизнь европейцев, показали, что мобильность может снижать уровень фертильности и препятствует успешному исполнению родительских функций и развитию семьи, особенно для женщин [30. Р. 2].

В то же время возможность выезда на работу или учебу за рубеж может приводить к формированию интимных отношений и возникновению семейных уз в стране пребывания, вызывая к жизни так называемые смешанные браки, основанные на межэтнических и межкультурных отношениях. Этой цели служит «брачная миграция», или «интимная миграция» [31]. Кроме того, благодаря новейшим транспортным технологиям формируются коллективные, семейные формы «интимной мобильности», ставшие возможными, например, благодаря домам на колесах и семейным автомобилям, которые позволяют осуществлять семейные туристические поездки и совместные визиты к родственникам, проживающим на дальнем расстоянии [32].

Следовательно, хотя «Homo mobilis» — это зачастую пилигримы-одиночки, оторванные от семьи и родовых корней, или даже бескомпромиссные «квиркодиночки»¹, скитающиеся по миру в поисках «идеальной любви», в то же время это могут быть счастливые семейные люди, которые имеют возможность путешествовать, познавать мир и радоваться жизни.

Категоризация «Homo mobilis» в контексте глобализации

Глобальный бедняк: «транснациональный прекариат»

Экономическая глобализация ведет к формированию единого всемирного рынка труда, а интенсификация производства за счет современных технологий — к появлению на нем избытка рабочей силы.

¹ Неологизм «квиркодиночки» (quirkyalone persons) был предложен для обозначения убежденных холостяков и холостячек, то есть бескомпромиссных романтиков, не отрицающих парных или семейных взаимоотношений, но предпочитающих жить в одиночестве, поскольку не приемлют интимных отношений, создаваемых с целью избежать одиночества (см. Cagen S. Quirkyalone: A Manifesto for Uncompromising Romantics. N. Y.: Harper Collins, 2004.)

Ситуация, когда значительная часть человечества оказывается лишней, невостребованной сферой производства при сохранении неизменных принципов распределения материальных благ, приводит к тому, что работающая часть населения имеет возможность жить, а не получившие доступа к рынку труда лишаются этого естественного права. Последние превращаются в «глобальных бедняков», не имеющих даже прожиточного минимума, необходимого для выживания, и формирующих собственную «субкультуру бедности». Согласно официальным данным, сегодня около 1,2 миллиарда жителей планеты живут в нищете — на доходы ниже 1 доллара в день [33]. Глобальная бедность ведет к криминализации и люмпенизации этих «лишних людей» [34]. Для них единственный путь приобщения к благам глобальной цивилизации лежит через географическую мобильность в составе низкоквалифицированной рабочей силы, кочующей из регионов с сокращающимся экономическим сектором в регионы с растущей экономикой как внутри государства, так и за его пределы. Этот тип модальной личности составляет основу нового класса эпохи глобализации — «транснационального прекариата» [35], то есть социально исключенной глобальной бедноты и массового «опасного класса» глобального характера, определяемого неравенством, отсутствием безопасности и повышенными политическими рисками [36].

Ситуация, когда значительная часть
человечества оказывается лишней,
невостребованной сферой производства
при сохранении неизменных принципов
распределения материальных благ,
приводит к тому, что работающая часть
населения имеет возможность жить,
а не получившие доступа к рынку труда
лишаются этого естественного права.

Глобальные старики — продукт «поседения мира» и мобильной старости

К социогуманитарным производным глобализационного процесса можно отнести феномены «глобализации старости» и «поседения мира» [22] как логические результаты спада рождаемости и увеличения продолжительности жизни в современном мире. Пожилые люди сегодня дольше остаются здоровыми, социально активными и географически мобильными как в профессиональных, так и в семейных, личных и культурно-познавательных целях. Они больше путешествуют как на более дальние расстояния, так и на более длительное время. Это можно расценивать как положительную тенденцию, поскольку процесс «активного старения» имеет социальные преимущества для пожилых людей.

Кроме того, путешествия и туризм формируют новые, модернизированные идентичности и новые социальные связи «глобальных стариков», способствующие повышению качества их человеческого капитала.

Еще одной причиной появления этого типа модальной личности является новейшая тенденция к «депортации старости» из центра мировой капиталистической системы на ее периферию. В частности, она отмечается в Германии, которую мировые СМИ обвиняют в том, что она «депортирует» своих малоимущих пенсионеров, не имеющих возможности самостоятельно оплачивать услуги медицинского ухода, в страны Азии и Восточной Европы, где они получают качественное гериатрическое обслуживание по низким ценам [37].

Глобальная женщина и глобальная мать: вызовы «глобальной пересадки сердец»

Глобализационные процессы приводят к феминизации бедности на периферии мировой капиталистической системы, вынуждая женщин из бедных государств уезжать на заработки за рубеж, чтобы прокормить свои семьи [38. Р. 190]. Благодаря этому процессу женщины стали более мобильными, чем когда-либо в истории. Сегодня все больше из них пересекают границы государств, чтобы найти работу вдали от дома. В последние десятилетия женщины все чаще становятся независимыми участницами миграционного процесса, самостоятельно передвигаясь на большие расстояния. Они перестают ограничиваться ролями зависимых членов семьи, следующих за отцами или мужьями, и становятся автономными субъектами мобильной трудовой силы, за которыми мужья и дети следуют в качестве сопровождения.

Как отмечает Х. Злотник, глобализация создала «новый тип мигранта» — молодых женщин и девушек, мигрирующих в поисках лучших жизненных возможностей [39]. Иными словами, женщина-мигрантка сегодня приобретает значимость модальной личности эпохи — современной «глобальной Золушки» [40]. Так, согласно статистике ООН, доля женщин в общем количестве мигрантов достигает 48 процентов [41] и столько же их среди всех беженцев в мире [42. Р. 3]. Женщины составляют 70 процентов среди внутренне перемещаемых в результате вооруженных конфликтов [43. Р. 761] и 79 процентов среди перемещаемых с целью торговли людьми [44. Р. 11]. Эта трансформация роли женщин в глобальной «миграционной индустрии» [45] воспринимается как «женская подноготная» глобализации [46. Р. 3].

Тенденция к увеличению в общем количестве мигрантов доли женщин, независимо передвигающихся на большие расстояния, определяется как *феминизация международной миграции*. Ее результатом является феномен «глобализации материнства», заключающийся в том, что в результате феминизации бедности на периферии мировой капиталистической системы женщины-матери из бедных государств вынуждены уезжать на заработки за рубеж и заботиться о чужих детях, чтобы прокормить своих собственных. Результатом такого «смещенного материнства» является то, что «глобальные матери» нередко теряют своих детей как в прямом, так и в переносном смысле. Таким образом, парадоксом

глобализации материнства является то, что и работодательницы, и их домработницы в поисках более высоких заработков вынуждены прибегать к аутсорсингу услуг заботы и ухода из семьи на рынок [29]. Имея меньше возможностей для предоставления своим детям материнского внимания и ухода, они вынуждены «покупать» любовь и заботу для своих детей [47]. Другим парадоксом феномена глобализации материнства является то, что, принимая на себя ответственность за финансовое обеспечение семьи, мигрантки оспаривают миф о мужчине как кормильце и добытчике и в то же время укрепляют миф о женщине как домохозяйке, поскольку продолжают исполнять материнские обязанности, но уже в трансграничном режиме [48].

Глобальный ребенок: «новый Маленький Мук»

Исследования по истории и социологии детства демонстрируют, что в XX веке появилась новая категория — «нормативный глобальный ребенок», легитимность которого была засвидетельствована Конвенцией ООН о правах детей. Эта категория включает обширную галерею детских образов, которые появились в результате глобализационных процессов, основанных на широкомасштабной «коммерциализации всего», включая нематериальные аспекты человеческой жизни — любовь к детям, невинность ребенка, святость детства. К ним относятся глобальная индустрия международных усыновлений сирот, эксплуатация детей в рабском труде, секс-бизнесе, порнографии и секс-туризме, использование их в торговле людьми, человеческими органами и тканями, привлечение к участию в боевых действиях, криминальном бизнесе, бродяжничестве и попрошайничестве и т. д. Сущность этой глобальной индустрии определяется как «гражданская война против детей». Причем портрет «глобального ребенка» зачастую пишется расово-гендерными красками, замешенными на стереотипах взрослых, формирующих детский рынок труда. Если классический образ «глобального мальчика» — это чернокожий ребенок-солдат с автоматом Калашникова в руках, то иконическая «глобальная девочка» — это изнуренная азиатская малышка-домработница, батрачащая на хозяев за кусок хлеба без оплаты и выходных. Большинство этих вариаций «глобального детства» связаны либо с торговлей детьми, либо с их самостоятельным географическим передвижением. Новые «Маленькие Муки» вынуждены перемещаться на большие расстояния — зачастую самостоятельно, без семьи, родителей или других взрослых. В миграционной науке даже появилось направление исследований, объектом которого являются несовершеннолетние, мигрирующие без сопровождения. Кроме того, дети наряду с женщинами составляют наибольшую демографическую группу среди лиц, насильственно перемещаемых в результате военных конфликтов. Эксперты утверждают, что отсутствие связи между идеалом прав человека и реальным опытом детей-мигрантов имеет для всего мира трагические последствия [49], одним из которых является «убийство детства» [50] как социокультурный феномен эпохи глобализации.

«Homo digitalis» — цифровой кочевник

В социальном пространстве глобального мира расстояние превращается в анахронизм и легко преодолевается посредством новейших информационно-коммуникационных технологий, создающих эффект компрессии пространства и времени [19]. Сегодня человеку нет необходимости пересекать физические границы, чтобы приобщиться к жизни в самом удаленном уголке планеты. Переключаясь с одного телевизионного канала на другой и кочуя по Интернету, он пребывает в роли вечного гостя, нигде не задерживаясь надолго. То есть географическое передвижение перестает быть непременным условием номадизма, более важной становится возможность «перманентной коннективности». Этому способствует возникновение ИКТ, используемых почти половиной населения мира и создающих так называемый «парадокс инверсии юмовских концентрических кругов убывающего сочувствия» [51. Р. 6], в результате которого чувства общности и привязанности, обычно сильнее всего проявляющиеся в ближнем круге общения (семья, друзья, соседи), не ослабевают по мере нарастания дистанции (город, страна, остальной мир) как это бывает в традиционном мире. В условиях «глобальной деревни» они усиливаются, поскольку ИКТ способствуют превращению наиболее отдаленных кругов общения в ближние. Это делает возможным формирование брачных уз без сексуальных отношений и детей, без общего дома, работающего супруга и постоянного партнера и даже без «биологического» тела с его физиологическими потребностями [52]. В результате возникают новые конфигурации семей, отражающие процесс адаптации мобильных индивидов к новым условиям жизни в «глобальном человечнике» [53], а брак становится «метафорой и индикатором глобализации личной жизни» [54. Р. 73].

Беспроводные ИКТ кардинально изменили окружение «Homo digitalis», его быт, межличностные и семейные отношения. Родители позволяют подросткам больше автономии, так как могут контролировать их посредством сотовых телефонов. Отпадает необходимость в офисах, так как работники могут предоставлять руководству результаты своего труда через Интернет. Таким образом, этот тип модальной личности приобретает возможность успешнее сочетать работу и семью, производственную автономию и мобильный, пластичный стиль приватной жизни.

«Homo consúmens» — одномерный человек

Сегодня нередко звучит точка зрения, согласно которой процесс глобализации точнее всего характеризуется как консюмеризм, поскольку современный мир одержим мантрой постоянного экономического роста [26. Р. 5]. Это обеспечивается глобальной мобильностью товаров и услуг. Для завоевания популярности у потребителей продукты и сервис нацелены на возбуждение желания обладать ими, а одной из основных задач в современной индустрии становится удовлетворение самых изысканных прихотей клиентов. В результате возникает порочный круг, в котором

одно желание сменяется другим, выполняя функцию двигателя экономики, а погоня за новыми соблазнами выходит на первый план. Этим глобализация порождает «эффект динозавра» [34], проявляющийся в том, что человечество много и быстро ест, мало думает и медленно реагирует.

В то же время, как отмечает М. Делягин, принципиально новым явлением, порождаемым именно глобализацией, оказывается стимулирование и поддержание маргинального типа потребления, оборачивающегося социальной маргинализацией и последовательным дроблением социума [2]. Глобализация рынков при должном характере продвижения товаров обеспечивает наличие практически любых видов спроса, так что своего потребителя — причем во вполне достаточных количествах — в конечном счете может найти даже самый экзотический и необычный товар. В результате одним из значимых направлений развития бизнеса становится удовлетворение маргинальных потребностей маргинальных элементов различных обществ.

Таким образом, культурная глобализация, со свойственной ей «макдональдизацией мира» [54], обуславливает появление нового типа модальной личности — «Номо consumens», основным вопросом жизни которого является дилемма: «должен ли человек потреблять, чтобы жить, или же он живет, чтобы потреблять?» [19].

Согласно Герберту Маркузе, современное общество массового потребления создает свои ценности, влияет на культуру и контролирует каждого индивида, продуцируя «завуалированный неототалитаризм», навязывающий человеку ложные потребности и делая его рабом собственных прихотей. В этом обществе все люди подчиняются одним и тем же желаниям, поэтому они по сути одинаковы и представляют собой модальный тип «одномерного человека». Для позитивного изменения себя и общества человек должен совершить «Великий Отказ» — изменить направление своих потребностей от эксплуатации природы в сторону гармонии с ней, обратив свои желания и чувства к высокой духовности [55].

Как отмечает Михаил Делягин, в результате смены технологического базиса на основе перехода от индустриальных технологий к постиндустриальным в современном мире драматически меняются даже те параметры общества и действующей в нем личности, которые многие исследователи привыкли считать объективно обусловленными константами [56]. Так, глобализация формирует «новые режимы мобильности» [57], которые оказывают влияние на «социальный характер» современного человека. Эрих Фромм понимал его как ядро структуры характера, общее для большинства представителей одной и той же культуры [58. С. 338]. Как утверждает Т. Панфилова [59], становясь универсальным благодаря глобализационным процессам, участвующий в них современный человек обретает универсальную сущность, а вместе с ней и социально-психологическую однородность, выраженную в соответствующем социальном характере «человека информационного». Активно используя ИКТ в повседневной жизни, этот индивид оторван от ноосферы и является «вдвойне опустошенным» по сравнению с индивидом «рыночного характера». Некоторые авторы определяют этот

социальный характер как «Homo mechanicus» [60]. В данной работе он определяется как «Homo globalis» и рассматривается как тип модальной личности, представленный целым комплексом подвидов, объединенных общим свойством высокой географической мобильности. Эти разновидности «человека глобального» не существуют в чистом виде. Подобно проницаемости географических границ в глобализованном физическом мире, границы между разновидностями модальной личности «Homo globalis» также являются условными, взаимопроникающими и накладывающимися друг на друга. Этим мобильный «глобальный человек» современности отличается от «культурно-исторических типов» доинформационной эпохи.

Литература

1. **Blok A.** Mapping the Super Whale: Towards a Mobile Ethnography of Situated Globalities // *Mobilities*. 2010. Vol. 5. № 4. P. 507–528.
2. **Делягин М.** Мировой кризис. Общая теория глобализации. М.: ИНФРА-М, 2003.
3. **Sheller M., Urry J.** The new mobilities paradigm *Environment and Planning*, 2006. Vol. 38. № 2. P. 281–299.
4. **Hannam K., Sheller M., Urry J.** Editorial. Mobilities, Immobilities and Moorings // *Mobilities*. 2006. № 1. Issue 1. P. 1–22.
5. **Urry J.** *Sociology Beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century*. L.: Sage, 2000.
6. **Запорожец О.** От манифеста к тексту // *Социологическое обозрение*. 2012. Т. 11. № 3. С. 164–168.
7. **Manderscheid K., Endres M., Mincke Ch.** *Discourses and Ideologies of Mobility*. Aldershot: Ashgate, 2015.
8. **Bergmann S., Sager T.** *The Ethics of Mobilities: Rethinking Place, Exclusion, Freedom and Environment*. L.: Ashgate, 2008.
9. **Cresswell T.** Towards a Politics of Mobility // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2010. № 28. P. 17–31.
10. **Squire V.** *The contested politics of mobility*. N. Y.: Routledge, 2012.
11. **D'Andrea A., Ciolfi L., Gray B.** Methodological Challenges and Innovations in Mobilities Research // *Mobilities*. 2011. № 2. Vol. 6. P. 149–160.
12. **Толстокорова А.** Транснациональная и гендерная парадигмы в изучении международной мобильности: на примере Украины // *Социологическое обозрение*. 2013. Т. 12. № 2. С. 98–121.
13. **Бек У.** Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника. М.: Прогресс-Традиция, 2007.
14. **Maslow A. H.** *Toward a psychology of being* / 2nd ed. N. Y.: Van Nostrand Reinhold, 1968.
15. **Venter H., Venter E.** Globalization and the Psychology of the New World Citizen: How the New Global Citizen Compares to Maslow's Level of Self Transcendence // *The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences*. 2010. Vol. 5. Issue 7. P. 29–36.
16. **Strenger C.** *The Fear of Insignificance: Searching for Meaning in the Twenty-first Century*. N. Y.: Palgrave-Macmillan, 2010.
17. **Bauman Z.** *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press, 2000.
18. **Данилевский Н. Я.** *Россия и Европа*. М.: ИЦ «Древнее и современное», 2002.
19. **Bauman Z.** *Globalization: The Human Consequences*. N. Y.: Columbia University Press, 1998.

20. **Inkeles A., Levenson D. J.** National Character: The study of Modal Personality and Sociocultural Systems // *The Handbook of Social Psychology* / C. Lindzey, E. Aronson (eds.). Massachusetts; London; Ontario: Addison-Wesley, 1969. Vol. IV.
21. **Толстокурова А.** Социогуманитарные производные глобализации: гендерный эффект международной миграции и мобильности населения // *Социологическое обозрение*. 2014. Т. 13. № 3. С. 64—88.
22. **Саян С.** Глобализация старости: Новые факторы неравенства государств // *День*. 20.08.2002. — www.day.kiev.ua/ru/article/podrobnosti/globalizaciya-starosti
23. **Chossudovsky M.** *The Globalization of Poverty and the New World Order*. Ontario: Global Outlook, 2003.
24. **Vertovec S.** *The emergence of super-diversity in Britain*. Centre on Migration, Policy and Society. University of Oxford, 2006.
25. **Murphy-Shigematsu S.** *When Half Is Whole: The Multicultural Person, Family, and Society in a Globalized World*. Stanford (CA): Stanford University Press, 2012.
26. **Corneliussen C.** *Homo Sapiens Digitalis*. — <http://strategix.dk/pdf/digitalisuk.pdf>
27. **Лукьяненко В. И., Хабаров М. В., Лукьяненко А. В.** Homo consumens — человек потребляющий // *Век глобализации*. 2009. № 2 (4). С. 149—159.
28. **Tolstokorova A.** Costs and Benefits of Labour Migration for Ukrainian Transnational Families: Connection or Consumption? // *Les cahiers de l'URMIS. Circulation migratoire et insertions économiques précaires en Europe*. 2009. № 12. — <http://urmis.revues.org/index868.html>
29. **Parreñas R. S.** *Children of Global Migration: Transnational Families and Gendered Woes*. Stanford: Stanford University Press, 2005.
30. **Lük D.** Research note: job mobilities and family lives in Europe // *Cosmobilities Newsletter*. 2009. Vol. 4. Issue 1.
31. **Boehm D. A.** *Intimate Migrations. Gender, Family, and Illegality among Transnational Mexicans*. N. Y.: New York University Press, 2012.
32. **Holdsworth C.** *Family and Intimate Mobilities*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2013.
33. WHO. *Poverty and Health Fact Sheet*. Geneva: World Health Organization, 2014. — www.who.int/hdp/poverty/en/
34. **Смогрицкий Е.** Глобализация и люмпенизация: социальные корни преступности // Системный информационно-аналитический центр. 09.11.2001. — http://siac.com.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=502&Itemid=44
35. **Fraser N.** Injustice at Intersecting Scales: On «Social Exclusion» and the «Global Poor» // *European Journal of Social Theory*. 2010. № 13(3). P. 363—371.
36. **Standing G.** *The Precariat — The new dangerous class*. L.: Bloomsbury Academic, 2011.
37. Germany accused of «deporting» its elderly: Rising numbers moved to Asia and Eastern Europe because of sky-high care costs // *Daily Mail*. 27.12.2012. — www.dailymail.co.uk/news/article-2253922/
38. **Hoshchild A. R.** *Commercialization of Intimate Life: Notes from home and work*. Berkley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2003.
39. **Zlotnik H.** Population Growth and International Migration // *International Migration: Prospects and Policies in a Global Market* / D. S. Massey, E. D. Taylor (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 15—34.
40. **Lan P. C.** *Global Cinderellas: Migrant Domestic Workers and Newly Rich Employers in Taiwan*. Durham; L.: Duke UP, 2006.
41. 232 million international migrants living abroad worldwide—new UN global migration statistics reveal / United Nations Organization. Press release. 11.09.2013. — <http://esa.un.org/unmigration/wallchart2013.htm>
42. *The New 21st Century Challenge. UNHCR Global Challenge* // United Nation Human Commission for Rights (UNHCR) Displacement. 2012.

43. **Jones A.** A Silent but Mighty River: The Costs of Women's Economic Migration. *Signs // The Journal of Women in Culture and Society*. 2008. Vol. 33. № 4. P. 761—769.
44. Global Report on Trafficking in Persons. *Human Trafficking, A Crime that Shames Us All*. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), 2008.
45. **Castles S., Miller M. J.** *The Age of Migration*. Basingstock: Palgrave Macmillan, 1998.
46. **Ehrenreich B., Hochschild A. R.** *Global Woman: Nannies, maids and sex workers in the new economy*. L: Granta Books, 2002.
47. **Maher J. M.** *Reproduction and Care // The Globalization of Motherhood: Deconstructions and reconstructions of biology and care / W. Chavkin, J. M. Maher (eds.)*. Abington; N. Y.: Routledge, 2010. P. 16—30.
48. **Толстокорова А. В.** Любовь по телефону: роль мобильной телефонии в транснациональном материнстве украинских мигранток // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013. Т. XVI. № 4 (69). С. 142—158.
49. **Bhabha J.** *Child Migration and Human Rights of the Child in a Global Age*. Princeton (NJ): Princeton University Press, 2014.
50. **Wyre R.** *The Murder of Childhood*. L: Penguin Books Ltd, 1995.
51. **Вебер А. Б.** Современный мир и проблема глобального управления // *Век глобализации*. 2009. № 1. С. 3—15.
52. **Ruspini E.** *Gender, Relationships and Social Change*. Bristol: Policy Press, 2014.
53. **Зиновьев А. А.** *Глобальный человек*. М.: Алгоритм : Эксмо, 2006.
54. **Beck U.** *What is Globalization?* Cambridge: Polity Press, 2000.
55. **Маркузе Г.** *Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества*. М.: АСТ, 2002.
56. **Деягин М.** Чего мы не знаем? // *Свободная Мысль*. 2015. № 1. С. 37—50.
57. **Kesselring S., Vogl G.** *New Mobilities Regimes // New Mobilities Regimes in Art and Social Sciences / S. Witzgall, G. Vogl, S. Kesselring (eds.)*. Aldershot: Ashgate, 2013. P. 17—36.
58. **Фромм Э.** *Здоровое общество // Психоанализ и культура*. М.: Юристъ, 1995.
59. **Панфилова Т. В.** «Информационный человек»: личность в эпоху глобализации // *Мир и Россия на пороге XXI века*. М.: РОССПЭН, 2001. С. 356—362.
60. **Лисовская И. В.** Антропологический аспект глобализации: от Homo consúmens к Homo mechanicus // *Человек в мире социума*. Гродно: ГрГУ им Я. Купала, 2014. С. 120—136. ◆